

ЕВГЕНИЙ ПЛАВЕНКО

А вообще, последняя точка нашего музея летом традиционно закрывается в половине пятого утра — это колоннада Исаакиевского собора. Мы заинтересованы в том, чтобы посетителей было как можно больше: кое-кто в музеях стесняется таких показателей, мы стесняться не можем, у нас нет роскоши подпитки ни зимой, ни летом. Для того чтобы проводить реставрационные работы, чтобы содержать музей, платить людям зарплату — и платить по счетам, налоги, — мы должны работать, как раньше работали крестьяне-кулаки, а не колхозники.

Г: К 2014 году вы собирались достичь ежегодной посещаемости четырех соборов в три миллиона гостей.

Н. Б.: Мы достигли ее в 2013 году. Прошлый год мы закончили на отметке 3 млн и почти 200 тыс. посетителей, в этом году мы перекрываем этот показатель, потому что очень агрессивно занимаемся рекламой — я засовываю ее куда ни лень, от английских журналов до аэропортов. И это не просто реклама: так или иначе обозначая внешний вид любого из наших соборов, мы обозначаем прелесть Санкт-Петербурга, туристической столицы мирового уровня.

Г: Эрмитаж разрешил фотографировать в стенах музея...

Н. Б.: Мы это сделали намного раньше, семь лет назад, когда я пришел сюда работать. Мы разрешили фотографировать, понимая, что давно ушли в прошлое фотоаппараты, даже «мыльницами» редко поль-

зуются. Все снимают на планшеты, на телефоны — мы можем бороться только со вспышками, они действительно мешают работать. Но нас понимают, от вспышек отказываются.

Г: По мнению директора Эрмитажа, это своего рода антикризисная мера. А на вас кризис сказался?

Н. Б.: Кризис сказался на всех. Тупое выражение зарплат ведь в лучшем случае не изменилось, а стоимость рубля «похудела», цены резко выросли. Могли бы мы в таких условиях защищать свои интересы повышением платы? Я посчитал, что это было бы неправильно. Поэтому, несмотря на разные мнения в директорате музея, я все-таки настоял на том, чтобы ценник не изменился. Тяжело всем, значит, всем и надо нести этот крест. Мы не сетевая компания по перепродаже продуктов, там поведение очень часто безнравственное, мне кажется. Мы с народом.

Г: Есть два взгляда на музейное дело, и оба имеют право на существование. Первый: музей должен быть интересен максимально широкому кругу посетителей, в нем должна быть большая интерактивная составляющая. Второй: музей не должен превращаться в шоу, что мы видим сейчас сплошь и рядом. Вам какой из них ближе?

Н. Б.: Я думаю, что есть золотая середина. Не может музей оставаться недвижимым кладбищем, с одной стороны, с другой — он не должен превращаться в аттракцион. Я больше тридцати лет служил в театре. Там очень легко добиться успеха: снять

штаны, палец показать — и все, успех обеспечен. Музей точно так же может пойти пошлым путем, но не имеет на это права, потому что относится к категориям вечным. Вообще, в деятельности музея определенная консервативность — это основа основ, примета хорошего воспитания музейщиков, которым доверен тот или иной объект. Но с другой стороны, действительно: время идет, век XXI, и мы должны использовать всевозможные новшества технологического толка. Мы должны быть доступны не только буквально, через порог музея, но и в пространстве интернета (что и стараемся делать).

Я бы отдельно выделил направление работы с детьми. У нас есть школьный отдел, профессиональный, оснащенный, думающий, тесно работающий с Российской академией образования, с университетом имени Герцена. Мы общаемся с детьми не заигрывая, а уважительно, по-взрослому — это вызывает уважение в ответ и наибольший интерес.

Мы работаем с особыми людьми. Стараемся уделять максимальное внимание инвалидам. Что можно придумать в Исаакиевском соборе или Спасе на Крови, например, для слепых? Однако кое-что придумали: увидеть храм руками.

Г: Как это физически выглядит?

Н. Б.: Физически это модель храма, которая разбирается на съемные блоки, и можно от внешнего — прекрасно различая руками и сопоставляя размер человеческой фигурки и вот этой громады, — идти

внутри. Слепые — очень тонкие люди, они гораздо тоньше нас. Цвета они могут различать по температурной разнице, например, на мозаике, для нас совершенно неощутимой. Мы, уйдя от традиционного музейного «Руками не трогать», наоборот, провоцируем, чтобы трогали. Не пострадает от этого ничего. А люди получают бесценную возможность «увидеть» то, что невозможно сделать в другом месте.

Г: Такое огромное количество эмоциональных, физических, финансовых сил вложено в Исаакий. Не случится ли так, что он также отойдет РПЦ?

Н. Б.: У меня есть реставрационный план на два здания: на Спас на Крови и Исаакиевский собор, от 2016 до 2020 года. Каждый из них оценивается в 250 и 290 млн рублей — это деньги, которые музей должен зарабатывать и пустить только на реставрационные цели. И мы обеспечим эти более чем полмиллиарда рублей — так, как обеспечиваем всю историю существования. С точки зрения экономики Исаакий не интересен церкви.

Но вообще, реституция — сложный вопрос. Когда и если он будет решаться, я, надеюсь, давно буду лежать в своем уголке на Волковом кладбище, на аллее председателей Союза театральных деятелей.

Будет неразумно пытаться решить вопрос так — из амбиций или считая, что на этом примитивно можно заработать. На этом можно заработать. Если не тратить денег на то, на что тратим мы. ■